

«Из моего опыта следует, что свободного мира как такового не существует. Мы все время от чего-то или кого-то зависим. И некуда деться на этом свете».

Знаменитый кинорежиссер

Отар ИОСЕЛИАНИ

приехал в Варшаву на премьеру своего фильма «Утро понедельника», отмеченного на Берлинском кинофестивале «Серебряным медведем» за лучшую режиссуру и призом ФИПРЕССИ – «За очень профессиональный и изящный портрет абсурда и скуки повседневности».

ПЕВЧИЙ ДРОЗД НЕ БУНТУЕТ

Мы уже привыкли, что поэтические фильмы Отара Иоселиани, о котором в киноэнциклопедиях пишут, что «для советской интеллигенции он был воплощением благородного кавказского духа свободы», приходят к нам не из Грузии, где он родился, а с Запада. Точнее, из Франции, куда уехал, по его словам, работая, намучившись с непробиваемой цензурой.

В Варшаве с режиссером встретился корреспондент «МН» Валерий МАСТЕРОВ.

— Ваши фильмы советского периода чаще всего ассоциируются со словом «цензура». Большинство из них, начиная с дебютного «Апреля», годами «выдерживались» на полках. Это ли не почва для закладки бунтарского характера?

— А вы знаете, я не считаю себя бунтарем. Наоборот, всегда был противником переворотов и революций. Первым диссидентом в России был Ленин — он был уверен, куда идти и как спасти страну. Все знают, чем это кончилось. Российские диссиденты много боролись с режимом, но можно ли говорить, что результат этой борьбы оправдывает сегодняшние надежды? Наверное, бунтовщиком быть приятно, особенно если это касается людей, вооруженных определенными политическими идеалами.

— Тем не менее в литературе и кино прежде всего таилась опасность для тоталитарной власти, не так ли?

— Все зависело от значения самой творческой личности и способа противостояния власти. Писатели могли выразить себя в большей мере. Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Войнович, Окуджава — первые приходящие в голову имена, и это далеко не все, кто выступал противовесом режиму. В кино было много труднее. Экран был самым серьезным пропагандистским оружием государства. Потому власти тщательно отслеживали фильмы и ставили их под контроль. Поскольку существовали выработанные правила игры, целая армия моих коллег в Советском Союзе занималась пропагандой господствующего строя. Но всегда были и исключения. Был «Комиссар» Аскольдова, были фильмы Панфилова, Авербаха, Параджано-

ва, Тарковского, которые выходили небольшими копиями, а широкое распространение получили за рубежом. Но гнуть «свою линию» было дано не каждому. Например, встретив сопротивление госпроката своему фильму об Асе Клячиной, Андрей Кончаловский перешел к экранизации русской классики и проходной «Сибириаде».

— Видно, все-таки цензура до вас добралась, если ваш фильм «Двенадцать разбойников» называют «сладкой мезью» по отношению ней?

— Что ж, ничто не проходит бесследно. Но меня борьба с цензурой вдохновляла. Во всяком случае, на дурных воспоминаниях не закидываюсь. Ну, запрещали фильм — и я понимал почему.

— Но ведь ваш выезд не был случайностью?

— Давайте уберем все политические обертоны. Просто я хотел найти постоянное место, где бы мог делать то, что хочу. Для меня главное — снимать кино, что и делаю. К эмигрантам себя не отношу. Заканчиваю работу и еду с женой домой, в Тбилиси, где живут и работают мои дети. Часто бываю и в Москве, где с удовольствием встречаюсь с российскими коллегами.

— Посмотрев вашу новую кинопритчу «Утро понедельника», я снова увидел борьбу за внутреннюю свободу, даже за освобождение себя от самого себя. Дух свободы, по всей видимости, для вас остается главным. Значит ли это, что даже в свободном, как считается, мире человек не бывает до конца свободным?

— Из моего опыта следует, что свободного мира как такового не существует. Мы все время от чего-то или кого-то зависим. И некуда деться на этом свете. И уйти от повседневности практически невозможно. Тем более от самого себя. С детства слышим от взрослых: хорошо там, где нас нет. А убеждаемся в этом только на своей шкуре. Вот и получается, что человек, как только родился, уже начинает подчиняться установленным правилам мира, в который пришел. Собственно, об этом «Утро понедельника».

— Вы и во Франции чувствуете зависимость?

— Конечно. Прежде всего от вкуса публики. И надо сказать — это самая суровая цензура. Люди не идут в кино посмотреть абы что. Они делают выбор. Особенно молодые, которые составляют 75 процентов кинозрителей. Именно они уже воспитаны на голливудской каше. А продюсеры идут за ними, дистрибьюторы стремятся опередить друг друга заокеанскими новинками. К сожалению, в кинотеатрах не повторяют старые фильмы — была бы возможность сравнить картины великих мастеров и нынешних властителей дум. Вот тогда было бы ясно: кто есть кто.

— Это не дух соперничества в вас заговорил?

— Отнюдь. Просто я не выношу

американского вкуса, образа мысли, который тебе навязывают. Я представляю Америку огромным детским садом, в котором множество безответственных людей. Ну что это такое: президент пальчиком погрозил, и вся страна перестает курить. Кошмар какой-то. (После этих слов Иоселиани достал очередную сигарету и сладко затянулся.) Теперь об американском кино. Голливудский герой борется со злом всего мира. Но мы-то знаем про Одиссея, помним со школы мифы Древней Греции, слышали и о Прометее. Но сегодня такой подход не работает. А голливудское кино уже присвоило себе, к примеру, итальянскую публику, где, по сути, утрачена школа неореализма. Таким же образом уничтожило школу Бунюэля, лишила зрителей Бергмана, а теперь посягает на то, что делаем мы и называем авторским кино.

— Ожидалось, что Каннский фестиваль в этом году станет манифестацией антиамериканизма, и даже прочили победу Ларсу фон Триеру с его фильмом «Догвилл», по сути разоблачающим сегодняшнюю Америку. А «Золотая пальмовая ветвь» досталась американскому «Слону» Гаса Ван Сэнта. Вы разделяете мнение о предвзятости жюри, сделавшего «политический выбор»?

— Нет, это не политический жест. Высшая награда присуждена серьезному драматичному авторскому фильму. В Каннах никогда не посмеют дать приз откровенному ширпотребу из Голливуда. А вот открывший фестиваль новодел «Фанфан-Тюльпан» — это просто безобразие.

— Франция известна своим противостоянием американскому кино и поддержкой молодых кинематографистов. Это действительно так?

— Во Франции существует правительственный фонд, по выбору которого можно получить деньги на съемку из доходов от проката американских картин. Правда, надо постараться найти такого продюсера, который действительно любит кино и даже готов идти на риск. В кино же французы начали соперничать с Голливудом. Со стороны это похоже на игру профессионалов, только они всегда будут проигрывать, потому что действуют не на своем поле. А ведь Европа богата духовными традициями. От «Илиады» через Рабле, Сервантеса, Шекспира, Шиллера, Гете и до Томаса Манна. Американцы же не читают даже Марка Твена. Становишься пессимистом, когда видишь, как коммерция вытесняет из кино духовность. И все-таки надеюсь, что этого не произойдет, а европейские традиции будут передаваться из поколения в поколение.

Фото автора

«Утро понедельника». 2002

«Жил певчий дрозд». 1971

«Охота на бабочек». 1992

досье "МН"

Отар ИОСЕЛИАНИ родился 2 февраля 1934 года в Тбилиси. Окончил консерваторию и режиссерский факультет ВГИКа (мастерская А. Довженко). С 1982 года работает во Франции. Наиболее известные режиссерские работы: «Листопад» (1966), «Жил певчий дрозд» (1971), «Пастораль» (1976), «Фавориты луны» (1984), «Охота на бабочек» (1992), «Двенадцать разбойников» (1996), «Истина в вине!» (1999), «Утро понедельника» (2002).